

(стр. 141), а также тщательно выполненные рисунки и планы различных типов животноводческих построек литовцев (стр. 133, 136, 138, 143, 144). Как и Л. А. Думпе, Р. В. Меркене приходит к выводу о том, что изменения в помещениях для скота в конце XIX—XX в. «с одной стороны, отражали развитие локальных этнографических особенностей, с другой — процесс приспособления хлева к новым потребностям капиталистического способа производства» (стр. 146). Заключительные статьи книги посвящены изучению и картографированию типов и форм крестьянских поселений преимущественно на материалах XIX—начала XX в. Г. Х. Троска и Н. В. Шлыгина в статье «О формах эстонских деревень» рассматривают общие вопросы типологии, особенно выделяя так называемые рассеянные деревни; убедительно показано на основании архивных, в том числе картографических данных, что деревни этого рода существовали у эстонцев уже в средние века. Авторы пришли к выводу, что те рассеянные поселения, которые были связаны единым пахотным массивом, представляли собой действительно особую форму деревни, а не группу однодворок. Вторая статья этих авторов «О бобыльских поселениях в Эстонии» рассматривает их развитие в конце XIX в. в связи с ростом социальной дифференциации сельского населения и ростом прослойки безземельного крестьянства. В статье помещена оригинальная карта распространения бобыльских деревень в Эстонии в конце XIX в. (стр. 179). Большую научную ценность представляет работа Г. Х. Троска «О картографировании поселений северной Эстонии». Данные топографической съемки начала XIX в. позволили автору составить несколько карт, дающих наглядное представление о плотности распространения дворов и деревень (стр. 164, 166), о распределении дворов по группам деревень различных размеров (стр. 168), о распространении одиночных дворов по волостям (в %) (стр. 169), о географическом распространении разных форм деревень — кучевых, круговых, рядовых, цепочечных, рассеянных и уличных (стр. 171). Г. Х. Троска указывает на связь форм деревень Эстонии не только с уровнем социально-экономического развития, но и с природной средой — почвами, рельефом местности, водным режимом и т. п. (стр. 172).

Статья Л. Н. Терентьевой «О формах крестьянского расселения и землепользования Западной и Южной Латвии в XIX—начале XX в.» (стр. 183—234) — самая большая в рецензируемой книге — представляет собою непосредственное продолжение многолетних исследовательских работ автора по сельским поселениям Латвии в целом. «Учитывая специфику исторического и социально-экономического развития Латвии — ранний распад сельской (соседской) общины как целостного социального института с его правовыми нормами, самоуправлением, хозяйственной и идеологической общностью ее членов», автор видит свою задачу в определении степени сохранности общинных черт в формах крестьянского землепользования и расселения (стр. 184). На базе богатых архивных, литературных и собственных полевых материалов автору удалось показать многообразный процесс развития форм крестьянского землепользования и расселения и степень его зависимости от таких факторов, как тип хозяйства, формы семьи, формы наследования, этнический и социальный состав населения и т. д.

Проанализированные автором материалы убедительно доказывают несостоятельность взглядов об исконности расселения крестьян Курземе и Земгале хуторами и об отсутствии у них коллективных форм землепользования. Совершенно правильна критика Л. Н. Терентьевой буржуазных концепций об определяющем значении этнического фактора в формировании типов поселений. Статья Л. Н. Терентьевой оснащена многочисленными картами и картограммами, статистическими таблицами, планами различных поселений с прилегающими к ним земельными угодьями. В конце статьи помещена составленная автором итоговая сводная схема распространения деревень и разных форм землепользования в волостях Курляндской губернии на 1870 г. (стр. 230). Весьма важны выводы о распаде многодворных поселений и о переходе к дисперсному хуторскому типу расселения. «Проанализированный в статье материал характеризует еще одно типичное для капитализма явление: он отражает в типах поселений и формах землепользования резкую социальную дифференциацию крестьян» (стр. 233). Работа Л. Н. Терентьевой удачно завершает рецензируемую книгу, которая заслуживает высокой оценки и будет полезна для обмена опытом с другими коллективами, работающими над составлением региональных историко-этнографических атласов.

Н. Н. Чебоксаров

Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М., 1976, 255 стр., илл.

Монография Е. Е. Неразик — результат многолетнего планомерного исследования жилищ и поселений Хорезма — одного из древнейших очагов среднеазиатской цивилизации и интереснейших археолого-этнографических регионов, культура которого до сих пор отличается большим своеобразием. Хорезм едва ли не самая изученная в археологическом отношении область Средней Азии. Сейчас, после выхода в свет фундаментальной работы Е. Е. Неразик, сказанное в полной мере относится и к хорезмским жилищам и поселениям.

Рецензируемая работа отличается несколькими особенностями. Это прежде всего очень широкий хронологически — свыше десяти столетий — диапазон исследования, что позволило автору проследить особенности жилища в процессе его длительной эволюции. Комплексность исследования, привлечение наряду с археологическим большого этнографического и собственно исторического материалов обеспечили возможность всестороннего и глубокого анализа собранных фактов. Этому способствовало также использование в работе многочисленных сравнительных данных по истории жилища сопредельных стран Востока. Эволюция хорезмского жилища прослеживается, таким образом, не только на локальном, но и на значительно более широком историческом фоне.

В основу монографии положены обширные археологические данные, полученные руководимым Е. Е. Неразик отрядом за шесть лет работы в песках Хорезма. За это время обследованы десятки поселений и сотни жилищ; раскопано 30 жилищ, наиболее типичных для каждого из охваченных исследованием исторических периодов. Планы поселений составлены на основе не только инструментальных съемок, но и дешифровки аэрофотосъемок. Этот во многих отношениях уникальный материал мог быть получен только в условиях хорезмских пустынь. Представляя большую научную ценность и сам по себе, он дает основу для исследований различных аспектов истории древнего и средневекового Хорезма и для этнографических исследований среднеазиатского жилища.

Автор поставил перед собой две взаимосвязанные задачи: воссоздание истории сельского жилища Хорезма I—XIV вв. и реконструкцию форм обитавшей в нем семьи, восстанавливаемой на основе археологического изучения жилища и привлечения различных исторических и этнографических параллелей. Проблема формирования сельского жилища в историографии Средней Азии впервые рассматривается так полно. В Хорезме до работ Е. Е. Неразик были археологически выявлены лишь отдельные сельские постройки, исследованные в трудах С. П. Толстова, однако в целом его выводы строились главным образом на материалах поселений. В большинстве других областей Средней Азии изучение истории сельского жилища затруднено малочисленностью сохранившихся сельских построек. Хорезм в этом отношении представляет большие возможности. Точно так же впервые в историографии Средней Азии так полно рассматривается и проблема исторической реконструкции семьи. В последнее время интерес к этой теме заметно возрос, однако ею занимаются главным образом исследователи археологических памятников доклассового и раннеклассового времени. Предметом рассмотрения Е. Е. Неразик является семья феодального общества. Его верхняя хронологическая граница приближает исследуемые Е. Е. Неразик явления к тем, которые относятся к периоду, освещаемому этнографическими источниками, и поэтому данная работа очень важна и для развития этнографических исследований семьи.

Выводы, сделанные Е. Е. Неразик, убедительны, а положенные в основу работы методы удачно сочетают археологический и этнографический подход к теме. Автор прослеживает историю хорезмских жилищ и поселений до тех форм, которые сходны с характером хорезмских сельских поселений и своеобразной жилой архитектурой Хорезма XIX — начала XX в. Таким образом, ей удалось добиться столь желательного объединения археологического и этнографического материалов, позволяющего установить и проследить многовековую преемственность в культуре, в данном случае — постепенное формирование того своеобразного типа жилища, каким является южноузбекское хорезмское хаули. Не менее интересны для этнографов результаты исследования поселений. В монографии раскрываются древние истоки того рассредоточенного способа расселения, которое осталось свойственным Хорезму и в XIX в. Рассредоточенное расселение наблюдалось и в других областях Средней Азии, но типичным на всем протяжении истории, вплоть до коллективизации, оно было именно для Хорезма. Отмечу, кстати, что автор напрасно (хотя и с оговорками) использует применительно к исследованным им усадьбам термин «хутор». Я согласна с Б. Х. Кармышевой, что принятое в литературе обозначение такого поселения как хуторского неправильно, так как здесь отдельные дома, окруженные посевами, не были самостоятельными, как хутора в России или Прибалтике, а были объединены в общины¹. Е. Е. Неразик, анализируя это явление и привлекая широкий сравнительно-этнографический материал из различных регионов Средней Азии, справедливо считает, что его истоки лежат в пережитках сельской общины. Следует лишь пожалеть, что последняя для Хорезма остается этнографически неизученной. А между тем для того чтобы эта связь предстала перед историками более конкретно, необходимо изучить сельскую общину Хорезма конца XIX — начала XX в. так же детально, как это сделано Р. Я. Рассудовой для Ташкентской области и Ферганской и Зарафшанской долин, где община существовала тоже в условиях древнего поливного земледелия. Одна из задач, вставших перед этнографами в свете исследования Е. Е. Неразик — выявление сочетания разбросанного поселения, характерного для Хорезма, с традициями сельской общины, а также с хозяйственной жизнью отдельной семьи.

Рассматривая основные этапы формирования хорезмского сельского жилища, автор затрагивает ряд важных и тесно связанных с этой темой вопросов: влияние типа хозяйства на облик жилища, связь между особенностями жилых и хозяйственных построек, воздействие на облик жилища факторов политической истории и, наконец, роль

¹ «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, с. 134.

этнических традиций в сложении типа жилища и его элементов. Последний из вопросов представляет для этнографии особый теоретический интерес. Это большая и сложная проблема, к сожалению, еще не получившая в литературе достаточной разработки. Мне кажется правильной точка зрения автора, что для раскрытия этнических корней форм жилища наиболее выразительными могут оказаться всевозможные детали, в частности внутренний вид жилища.

Проследив на таком длительном отрезке истории изменения в планировке и характере жилища, Е. Е. Неразик использует эти данные для реконструкции истории семьи. Этот аспект ее исследования представляется очень ценным и интересным для истории семьи вообще, истории семьи у народов Средней Азии в частности. Надо сказать, что выявление взаимосвязей между типом жилища и формой семьи неизмеримо трудно, но оно необходимо, поскольку о семье древней Средней Азии в письменных источниках прошлых веков прямых сведений почти нет. Основные возможности для реконструкции дает археологический материал, однако свидетельства археологии в этом плане всегда косвенны, часто неоднозначны и при неверных методологических посылах легко могут повести к ошибкам. Так, многие археологи, говоря о древней или раннесредневековой семье, не учитывают, что малая семья в своем законченном выражении характерна для капитализма. Вряд ли можно применять одинаковые термины («малая семья») для явлений, существовавших в капиталистическом и первобытном обществе. Имея структурное сходство, семья, конечно, существенно различалась в обе эпохи по своей сущности, и это должно отражаться и в терминологии.

Нельзя также не учитывать, что семья, малая по своей структуре, т. е. образованная брачной парой и ее не состоящими в браке детьми, может быть очень многочисленной, а семья не «малая», т. е. образованная более чем одной брачной парой, может оказаться меньше иной «малой» семьи. Поэтому мне кажется совершенно правильным, что Е. Е. Неразик употребляет термин «малая семья» с большой осторожностью и сомневается в том, что такая семья могла стать в древнем Хорезме «основной единицей общества» (стр. 211). Анализируя этот вопрос, Е. Е. Неразик совершенно верно связывает форму семьи с общими экономическими условиями жизни, в частности со степенью развития товарно-денежных отношений. Поскольку в древнем Хорезме оно оставалось ограниченным, заслуживает внимания предположение Е. Е. Неразик о том, что небольшие по размерам расположенные рядом дома могли быть жилищами единой агнатической группы, в которой, естественно, выделялись отдельные брачные пары с детьми.

Вообще заслугой автора является убедительное обоснование большой роли агнатических групп в древнем и средневековом Хорезме. Пользуясь широко принятым в советской литературе термином «патронимия», Е. Е. Неразик показывает, что патронимические связи, по-видимому, сохраняли большое значение в хорезмской сельской общине и связывает причины этого с особенностями поливного земледелия, при невысокой в то время сельскохозяйственной технике. Хорошо известно, что патронимические традиции были тесно связаны с традициями большесемейного уклада, а этот последний сохранялся в Средней Азии необычайно долго. Большие семьи встречались здесь даже тогда, когда большесемейный уклад явно изживался, — отдельные примеры наблюдались даже после коллективизации и окончательно исчезли только в послевоенные десятилетия². В то же время уже в конце XIX в. большие семьи бытовали преимущественно в среде богатых крестьян и главным образом в неполной форме — одним хозяйством жили уже не все женатые сыновья одного отца. Распространился обычай при разрастании семьи выделять одного, а затем постепенно и других сыновей. В бедных семьях сыновья часто уходили на заработки в другие места, там женились и оседали. Выделенные семьи какое-то время оставались типичными малыми семьями, но со временем, после женитьбы выросших сыновей, они закономерно вновь превращались в неразделенные. Жилище такой семьи отражало происходившие в ней изменения: для каждого женатого сына строилось отдельное жилое помещение с прихожей; новое помещение пристраивалось и в том случае, если глава семьи брал вторую жену. Таким образом, замена большесемейной организации малосемейной происходила неравномерно, по-разному в различных социальных слоях и в разных хозяйственных условиях; соответственно неодинаковой была и эволюция жилища семьи. Так же, вероятно, обстояло дело и в далеком прошлом. И хотя Е. Е. Неразик исследовала очень много жилищ, она не могла, конечно, охватить их во всем разнообразии реальной жизни. Однако ей удалось показать эту нестабильность форм семьи в Хорезме, не прямой путь ее эволюции, возвращение казалось бы уже изжитых форм ее, приспособляемых к новым историческим и экономическим условиям. В связи с этим хотелось бы сделать одно попутное замечание. Е. Е. Неразик права, когда она объясняет глубинными социальными изменениями появление в афригидском Хорезме жилищ, которые могли быть жилищами отдельных семей. Но она допускает и другое объяснение — влияние «чужеродных этнических групп, пришедших из низовий Амударьи» (стр. 223) — очевидно, кочевников.

Хотя диффузия культурных особенностей, несомненно, происходила, нельзя объяснить чужим влиянием, исходившим из иной по этническим корням культуры, такие стороны материальной культуры как структура жилища, которые непосредственно

² См.: М. А. Бикжанова. Изменение форм семьи.— В кн.: О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955.

обусловлены формой семьи и в своей основе общественным строем. Это объяснение к тому же не согласуется со всей концепцией раздела.

В целом предложенная Е. Е. Неразик реконструкция форм семьи кажется убедительной, и немалую роль в этом сыграла комплексность исследования, в частности плодотворное использование источников разного рода — и надписей на хорезмских оссуариях, и документов из архива Топрак-калы — в сопоставлении с синхронными им сельскими поселениями и жилищем, изученными археологически, и привлечение иных письменных памятников соответствующей эпохи, например документов с горы Муг. К сожалению, важные проблемы, разрабатываемые Е. Е. Неразик и представляющие прямой интерес для этнографов, последними не исследованы, вследствие чего она была лишена возможности привлечь широкие этнографические данные о размещении семьи в среднеазиатском жилище.

Наряду со структурой, Е. Е. Неразик исследует в своей монографии и другой аспект характеристики семьи — ее численность. Сделать это на археологическом материале, как справедливо отмечает сам автор, еще труднее, чем выявить структуру семьи. В самом деле, сколько человек помещалось в данном жилище? Семьи могли жить и очень скученно, и более или менее просторно. Сколь высока могла быть скученность, показывает, например, описание А. Давыдовым жилища ягнобцев верховьев Зарафшана. Зимой, когда в горах очень холодно, семья раньше ютилась в очажном отделении основной жилой комнаты на площади около 9 м²³. К сожалению, А. Давыдов, приводя описания жилищ и их планы, не сообщает, каковы были состав, структура и численность живших в них семей, в частности как размещались брачные пары и какими нормами регламентировались отношения между ними. Конечно, ягнобское жилище не может считаться для Средней Азии типичным: условия жизни в горах были особенно суровы. Но и на равнине, даже в крупных городах до конца XIX в. бытовая уклад был достаточно своеобразен. Еще в конце XIX в., по рассказам стариков, в Ташкенте семья нередко проводила на айване не только лето, но и зиму, загородившись от непогоды занавеской и обогреваясь сандалом. Таким образом, не исключено, что в качестве жилой для всех времен года должна учитываться и площадь айвана. Вопрос о численности осложняется еще и тем, что в районах орошаемого земледелия была широко распространена традиция сезонных переездов из зимнего жилища в летнее, обычно находившееся в другом месте — около земельного участка. Этот обычай существовал как в городах, так и в селениях. Зафиксирован он, например, в Самарканде, Ташкенте, Сайраме⁴. Но как в этом отношении обстоит дело в Хорезме — неизвестно, там этот вопрос не изучался. Все это, разумеется, затрудняет подсчеты численности семьи. В рецензируемой монографии в основу исчислений положено количество жилых помещений в доме в соотношении с числом брачных пар внутри семьи и в сопоставлении с этнографическими данными А. Н. Жилиной по южному Хорезму. Это очень перспективный путь, но из-за недостаточности сравнительно-этнографических данных он, как это отмечает и автор, пока делает возможными лишь сугубо ориентировочные подсчеты.

В заключение хотелось бы обратить особое внимание на очень удачные последние разделы книги, посвященные общине. Этот аспект — один из самых важных для исторического прошлого среднеазиатских народов — получил разработку только в самое последнее время, но зато значительно продвинут введением в научный оборот новых источников, в первую очередь письменных. Е. Е. Неразик удачно использовала эти материалы и данные сравнительно-этнографического плана. В своей совокупности подобранные и сопоставленные Е. Е. Неразик факты немало дают для характеристики хорезмской сельской общины и понимания ее связей с семьей. И здесь напрашиваются некоторые этнографические параллели, свидетельствующие как об общности этого института у разных народов Передней и Средней Азии, так и о его необычайной живучести, которая и дает возможность провести такие параллели. Например, отмечаемый автором древнеассирийский обычай делить землю между общинниками на «жереби» встречается далекий аналог в изученных Р. Я. Рассудовой узбекских «чаках» (чак — и доля, и жребий, так как доли земли распределялись по жеребьевке).

Подытожив сказанное, отмечу еще раз, что монография Е. Е. Неразик может по праву рассматриваться как ценный вклад в советскую науку. Автор поставил перед собой ряд труднейших задач и предложил их решение. Все ее основные положения представляются хорошо аргументированными и убедительными. Это исследование, выполненное археологом, показывает, как важен синтез археологических, этнографических и собственно исторических данных и как необходимо этнографам учитывать в своей работе и в самой постановке задач исследований те проблемы, которые встают перед археологами.

О. А. Сухарева

³ А. Давыдов. Материальная культура верховьев Зарафшана. Душанбе, 1973, с. 70.

⁴ П. П. Иванов. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Сб.: «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927.